

УДК 343.132 (082)
ББК 67.411я43
Д63

Редакционная коллегия:
д.ю.н., профессор *Ю.В. Францифоров* (отв. ред.);
д.ю.н., профессор *Н.С. Манова*;
к.ю.н., доцент *М.А. Баранова*;
к.ю.н., доцент *М.А. Лавнов*

Рецензенты:
профессор, доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного, экологического права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» *Н.Т. Разгельдев*;
доцент, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» *В.О. Белоносов*

*Печатается по решению
комиссии по науке и издательству ученого совета
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»*

Д63 Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития: сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз (г. Саратов, 3 апреля 2020 г.) / [редкол.: Ю.В. Францифоров (отв. ред.) и др.] ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов : Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. – 188 с.

ISBN 978-5-7924-1582-9

Сборник содержит тезисы выступлений участников конференции, посвященные проблемам осуществления доказательственной деятельности по уголовным делам, а также иным актуальным проблемам уголовного судопроизводства.

Для научных и практических работников, преподавателей, докторантов, аспирантов магистрантов и студентов юридических вузов.

Все статьи печатаются в авторской редакции.

УДК 343.132 (082)
ББК 67.411я43

ISBN 978-5-7924-1582-9

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020

4. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утверждена совместным приказом МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Правительства РФ от 01.07.1996 № 770 «Об утверждении... Перечня видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления ОРД» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.02.2020).

6. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15.02.2011 № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении ОРД» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 20.02.2020).

Россинский С. Б.

д.ю.н., доцент,
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
г. Москва
s.rossinskiy@gmail.com

СОБИРАНИЕ, ФОРМИРОВАНИЕ ИЛИ ПРИОБЩЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ К УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: КАК ДОЛЖЕН НАЗЫВАТЬСЯ «ПЕРВЫЙ» ЭТАП ДОКАЗЫВАНИЯ?

Аннотация: настоящей статьёй автор продолжает цикл своих научных публикаций, посвященных исследованию предусмотренной ст. 85 УПК РФ структуры уголовно-процессуального доказывания.

На основании высказанных аргументов автор приходит к выводу о необходимости частичного пересмотра своей прежней позиции, предполагающей рассмотрение категорий «собрание доказательств» и «формирование доказательств» как двух автономных способов осуществления первого этапа доказывания. Вместо этого автор предлагает придавать категории «собрание доказательств» несколько условное значение, понимая под ней любые формы поведения участников уголовного судопроизводства, направленные на получение и последующую процессуализацию полезной информации.

Ключевые слова: доказывание, приобщение доказательств к делу, собрание доказательств, структура доказывания, формирование доказательств.

Rossinskiy S. B.,
Dr.Sci(Law), Associate Professor,
Moscow State Kutafin Law University (MSLA),
Moscow

GATHERING, FORMING OR MESSAGING CRIMINAL EVIDENCE: HOW MUST CALL THE «FIRST» STAGE OF EVIDENCE?

Abstract: in the article, the author continues to study the structure of evidence in a criminal case (Article 85 of the Russian Code of Criminal Procedure).

The author makes a number of arguments that allow us to reconsider the previous point of view that the concept of "collecting evidence" and the concept of "forming evidence" are two autonomous methods of the first stage of proof. Instead, the author proposes to consider the category of "gathering evidence" conditional. It should be understood as any forms of actions of subjects of criminal proceedings that are aimed at obtaining and further legalizing useful information.

Keywords: proof, introduction of evidence to the case, collection of evidence, evidence structure, formation of evidence.

Проблемы доказывания в целом и работы с отдельными видами доказательств в частности традиционно вызывали и продолжают вызывать особый интерес у ученых-процессуалистов, являясь предметом наиболее бурных дискуссий. И в этом нет ничего удивительного, поскольку доказывание, будучи «сердцевиной», «душой» уголовного судопроизводства, пронизывает деятельность всех его субъектов и осуществляющегося на всем его протяжении [6, с. 122; 9, с. 41; 19, с. 12]. Определяя всю сложность и широту данной научной проблематики, Ц.М. Каз справедливо указывала, что вопрос о доказательствах по существу тесно связан со всей процессуальной деятельностью и в связи с этим не может правильно решаться в отрыве от других вопросов уголовного процесса: его задач, принципов, статуса участников, полномочий следственных и судебных органов и т.п. [3, с. 4].

Наряду с другими актуальными проблемами теории, законодательного регулирования и практики уголовно-процессуального доказывания автора настоящей статьи уже давно привлекают вопросы, связанные с его структурой, то есть с сущностью, содержанием и соотношением отдельных этапов (элементов) работы с доказательствами, направленной на возможность их использования для основания приговоров либо иных правоприменительных решений.

Так, уголовно-процессуальное законодательство РФ в настоящее время предполагает трехэлементную структуру доказывания, включающую: а) собрание доказательств; б) проверку доказательств; в) оценку доказательств (ст. 85 УПК РФ). Аналогичная трехзвенная «формула» ранее вытекала из содержания ст. 70-71 УПК РСФСР; этого же подхода придерживаются и многие ученые-процессуалисты, посвятившие свои труды указанной проблематике [2, с. 260; 17, с. 130 и мн. др. работы].

Подобная нормативная конструкция позволяет считать собрание доказательств как бы «первым», «начальным» этапом работы с доказательствами. Хотя указанное «первенство» имеет несколько условный характер, детерминированный не более чем технической необходимостью

стью законодательного перечисления элементов доказывания в каком-либо порядке. Тогда как в реальной правоприменительной практике эти элементы вполне могут осуществляться одновременно (совместно или параллельно) и быть настолько переплетены между собой, что их прикладное размежевание на отдельные фрагменты процессуальной деятельности весьма затруднительно или просто невозможно. На данную особенность структуры уголовно-процессуального доказывания уже неоднократно обращали внимание как автор этих строк [10, с. 49], так и другие специалисты [14, с. 302; 15, с. 361; 16, с. 174]. Поэтому, называя собрание доказательств «первым», «начальным» этап работы с доказательствами, мы преднамеренно берем указные прилагательные в кавычки.

Сам то себе термин «собрание доказательств» ввиду прямого законодательного закрепления активно поддерживается многими учеными-процессуалистами. Тем не менее, вопрос об его использовании в настоящее время остается открытым и является предметом дискуссии. В частности, некоторые авторы связывают «первый» элемент доказывания, не «сбором», а с «формированием доказательств» [13, с. 239; 18, с. 33–34], под которым понимают совокупность неких юридических механизмов трансформации (преобразования) имеющей значение для дела информации в один из предусмотренных УПК РФ видов доказательств.

Автором концепции формирования доказательств по праву считается С.А. Шейфер, который в 1972 г. высказал научный тезис, что готовых доказательств, в частности различных показаний, экспертных заключений, протоколов следственных действий, не существует и существовать не может, что в природе имеются лишь полезные сведения, которым в процессе познавательной-удостоверительной деятельности органов дознания, предварительного следствия либо суда придается надлежащая процессуальная форма [20, с. 7, 15, 16]. Хотя при этом С.А. Шейфер не может претендовать на введение данного термина в оборот уголовно-процессуальной науки. В частности, Ц.М. Каз еще в 1960 г. писала о формировании свидетельских показаний [3, с. 78]; этот же термин использовался и в работах других специалистов в «дошейферовского» периода [1, с. 113; 4, с. 163].

Автор настоящей статьи также неоднократно высказывался в поддержку категории «формирование доказательств» как более логичной и отвечающей современным подходам к методологии процессуального доказывания [11, с. 86]. Однако наши дальнейшие исследования и рассуждения по данному вопросу привели к убеждению о некоторой ошибочности ранее высказываемых позиций и о необходимости частичного пересмотра отношения к формированию доказательств как к единственному способу, обеспечивающему их появление в уголовном деле. Ведь позиция С.А. Шейфера и солидарных с ним ученых о необходимости преобразования полезной информации в форму доказательств вполне разумна, но лишь в части показаний, заключений эксперта и результатов «невербальных» следственных и судебных действий¹, то есть доказательств, обусловленных активным поведением

органов предварительного расследования и суда. В ее обоснование, собственно говоря, и приводятся примеры таких показаний и протоколов [18, с. 33]. Вместе с тем, уголовно-процессуальный закон предусматривает и другие виды доказательств: вещественные доказательства, иные документы, заключения специалиста. Они предстают перед дознавателем, следователем, судом уже в готовом, окончательном виде и никакому процессуальному формированию не подвергаются, а либо приобщаются к уголовному делу, либо не приобщаются. В данном случае речь идет не столько о формировании доказательств, сколько об их процессуальной легализации, об их введении в уголовное дело посредством представления, истребования или изъятия как элемента некоторых следственных действий. Если подобные доказательства (например, иные документы, заключения специалиста) и «формируются», то за рамками уголовного судопроизводства вне установленного УПК РФ правового режима и без соответствующих процессуальных гарантий. Позднее указанная позиция была полностью поддержана еще одним известным специалистом в области уголовно-процессуального доказывания – В.А. Лазаревой, которая также обратила внимание на необходимость включения в число подлежащих процессуальному формированию доказательств результатов ОРД и информации о телефонных (иных) переговорах и соединениях между абонентами и абонентскими устройствами [5, с. 58].

В этой связи нами было высказано предположение о сборе и формировании доказательств как о двух параллельных процессуальных механизмах, характеризующих «первые» этапы работы с различными видами доказательств. Мы писали, что собрание выражается в процессуальной легализации доказательств, в их введении в уголовное дело, поэтому оно применимо к тем доказательствам, которые возникают за рамками уголовного судопроизводства и появляются в готовом виде – к вещественным доказательствам, иным документам, заключениям специалиста. Тогда как формирование доказательств заключается в предусмотренных УПК РФ процессуальных механизмах преобразования полезной информации в форму доказательств, поэтому оно применимо к различным видам показаний, результатам «невербальных» следственных и судебных действий и экспертным заключениям [10, с. 43].

И тем не менее, результаты наших самых последних исследований позволили констатировать наличие слабых мест и в указанной научной позиции, то есть опровергли ее безгрешность и заставили в очередной раз задуматься о необходимости ее частичного пересмотра. Ее уязвимость обуславливается доктринальной и нормативной неопределенностью того смысла, который вкладывается в категорию «собрание доказательств».

На первый взгляд, значение данного термина представляется вполне понятным и очевидным. Однако при более детальном погружении в указанную проблематику на поверхность всплывают весьма и весьма различные варианты его толкования. В частности, Ц.М. Каз писала, что под сбором доказательств следует понимать деятель-

¹ Результатами «невербальных» следственных и судебных действий мы в своих работах называем доказательства, предусмотренные

ст. 83 УПК РФ и традиционно именуемые протоколами следственных действий и судебного заседания.

ность органов предварительного следствия, дознания, состоящую в обнаружении доказательств и закреплении их в установленном законом порядке [3, с. 36]. Авторы «Теории доказательств в советском уголовном процессе» связывали собирание доказательств с поиском, обнаружением, получением, закреплением, исследованием фактических данных (информации) определенного вида [12, с. 367]. Ю.К. Орлов указывал, что собирание доказательств представляет достаточно сложный процесс, состоящий из нескольких этапов, а именно: а) поиск доказательств; б) получение доказательств; в) процессуальное оформление доказательств [8, с. 110-111].

Чем же все-таки является собирание доказательств: поиском, обнаружением, восприятием и фиксацией полезных сведений, имеющих значение для уголовного дела или их процессуальной легализацией, направленной на создание, на появление в уголовном деле полноценных и юридически доброкачественных познавательных ресурсов, подлежащих использованию для обоснования приговоров или иных правоприменительных решений? Правильнее всего было бы предположить, что, оперируя данной правовой категорией, законодатель подразумевает именно ее первое значение, то есть поиск, обнаружение, восприятие и фиксацию полезных сведений. По крайней мере на данную мысль наталкивают положения УПК РФ, дающие право собирать доказательства подозреваемому, обвиняемому, защитнику, потерпевшему и другим заинтересованным лицам. С другой стороны, обнаруженные, воспринятые и даже зафиксированные каким-либо способом фрагменты полезной информации еще не являются полноценными доказательствами, готовыми к использованию для обоснования правоприменительных решений, поскольку требуют определенной процессуальной легализации (своеобразной процессуализации) посредством реализации юрисдикционных государственно-властных полномочий органами предварительного расследования либо судом.

В части показаний, заключений экспертов и результатов «невербальных» следственных и судебных действий подобный вопрос не представляет большой сложности, поскольку данные виды доказательств возникают в результате собственного активного поведения дознавателя, следователя, суда, как бы интегрирующего оба понимания категории «собирание доказательств» в рамках соответствующего процессуального действия. Например, проводя осмотр места происшествия, следователь визуально воспринимает какие-либо материальные фрагменты объективной реальности и одновременно фиксирует их в протоколе. И поэтому, как мы уже неоднократно отмечали ранее, к подобным доказательствам вообще более подходит категория «формирование доказательств».

Однако в части вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста, результатов ОРД, появляющихся уже в окончательном, готовом виде, действия по представлению соответствующих предметов или документов и их легализация в уголовном деле – это различные формы процессуальной деятельности, иногда осуществляемые даже разными субъектами. Например, вещественное доказательство, будучи изначально полученным в результате какого-либо следственного дейст-

вия (осмотра, обыска, выемки и т.д.), приобретает свое полноценно юридическое значение с момента издания органом предварительного расследования или судом специального уголовно-процессуального акта – постановления о признании и приобщении к уголовному делу в качестве вещественного доказательства. По смыслу закона аналогичный механизм предполагается и в части признания доказательствами иных документов. Хотя для справедливости следует отметить, что он лишь кратко определен для судебного производства (ст. 286 УПК РФ), тогда как для предварительного расследования – почему-то не установлен. И в этой связи А.В. Милюкова совершенно правильно предлагает дополнить уголовно-процессуальное законодательство нормами, предписывающими выносить соответствующие распорядительные акты государственно-властного характера, которыми бы закреплялся статус иных документов и результатов ОРД как полноценных доказательств [7, с. 152-153, 156].

В подобном контексте категория «собирание доказательств» приобретает достаточно широкое толкование, охватывающее как фактические действия различных участников уголовного судопроизводства по обнаружению, восприятию, фиксации полезных сведений, имеющих значение для уголовного дела, так и процедуры их процессуальной легализации, то есть «введения в процесс», признания полноценными доказательствами посредством издания специальных распорядительных актов государственно-властного характера. И в этой связи мы приходим к выводу о приемлемости данной категории не только в отношении доказательств, приобщаемых к уголовному делу в готовом виде, но и в отношении тех познавательных ресурсов, которые появляются в распоряжении органов предварительного расследования либо суда посредством формирования, то есть показаний, экспертных заключений, результатов «невербальных» следственных и судебных действий.

Иными словами, мы предлагаем, сохранив за категорией «собирание доказательств» значение «первого» этапа доказывания по уголовному делу, тем не менее придать ей несколько условный смысл, включив в ее содержание самые разнообразные процессуальные и непроцессуальные формы поведения различных участников уголовного судопроизводства, так или иначе направленные на получение и последующую процессуализацию полезной информации для обеспечения возможности ее использования в качестве полноценных доказательств при обосновании приговоров либо иных правоприменительных решений. При этом представляется, что собирание доказательств может выражаться в двух автономных процессуальных механизмах: а) в формировании, предполагающем получение показаний, экспертных заключений и результатов «невербальных» следственных и судебных действий и б) в представлении, истребовании либо изъятии различных предметов и документов с их последующим признанием вещественными доказательствами, иными документами, заключениями специалистов, результатами ОРД и т.д. и приобщением к уголовному делу в качестве полноценных доказательств на основании специального постановления дознавателя, следователя, постановления или определения суда.

Список литературы:

1. Дорохов В.Я. Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 108–117.
2. Зажицкий В.И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2015. 449 с.
3. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: Саратовский госуниверситет, 1960. 106 с.
4. Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Белорусский госуниверситет имени В.И. Ленина, 1969. 203 с.
5. Лазарева В.А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы // Legal Concept (Правовая парадигма). 2019. Т. 18. № 2. С. 55–62.
6. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. 2-е изд. М.: Норма, 2010. 240 с.
7. Миликова А.В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, Волгоградский госуниверситет, 2019. 218 с.
8. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. 175 с.
9. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М.: Госюриздат, 1961. 277 с.
10. Россинский С.Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 39–50.
11. Россинский С.Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9. С. 85–91.
12. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.
13. Семенцов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сборник научных трудов / под ред. В.А. Лазаревой. Самара: Самарский госуниверситет, 2010. С. 238–240.
14. Строгович М.С. Курс Советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 469 с.
15. Уголовно-процессуальное право: учебник. 2-е изд. / отв. ред. П.А. Лупинская. М., Норма, 2009. 1072 с.
16. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд. М.: Спарк, 2002. 704 с.
17. Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М.: Городец, 2008. 173 с.
18. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М.: Норма, 2008. 240 с.
19. Шейфер С.А. Собираение доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М.: Норма, 2015. 112 с.
20. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П.А. Лупинская. М.: ВЮЗИ, 1972. 130 с.

Рябинина Т.К.

к.ю.н., профессор,
ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»,
г. Курск
tatyanakimovna-r@yandex.ru

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ КАК ЗАВЕРШАЮЩИЙ ЭТАП ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ СТАДИИ НАЗНАЧЕНИЯ И ПОДГОТОВКИ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Аннотация: статья посвящена особенностям принятия решения в первой судебной стадии. Автор, используя всеобщий диалектический метод познания, обосновал положение о том, что обязательным элементом и результатом доказывания в любой стадии процесса является принятие решения, соответствующего задачам и процедуре доказывания в каждой отдельно взятой стадии уголовного процесса. При этом делается вывод о том, что сам процесс доказывания на данном этапе подчиняется общим правилам его осуществления.

Ключевые слова: решение, назначение и подготовка судебного заседания, полномочия судьи.

Ryabinina T.K.

Ph.D(Law), Professor,
Southwest State University,
Kursk

DECISION MAKING AS THE FINAL STAGE THE PROOF PROCESS AS AN EXAMPLE OF THE STAGE APPOINTMENT AND PREPARATION OF THE COURT SESSION

Abstract: the article is devoted to the peculiarities of decision-making in the first judicial stage. The author, using the universal dialectical method of knowledge, justified the position that the mandatory element and result of proof at any stage of the process is the decision that corresponds to the tasks and procedure of proof at each individual stage of the criminal process. It is concluded that the process of proof itself at this stage is subject to the General rules of its implementation.

Keywords: decision, appointment and preparation of the court session, the judge's powers.

Изучая вопрос об особенностях доказывания в различных стадиях уголовного процесса, нельзя не обратиться к основам теории доказательств, весомую роль в развитии которой в советский период, наряду с плеядой известных процессуалистов, сыграла Ц.М. Каз [7, с. 76–78; 8, с. 346–360; 9, с. 104 с. ; 10, с. 59–60; 11, с. 142–145; 12, с. 68; 13, с. 80; 14, с. 107–110]. В своих работах она не обошла своим вниманием, пожалуй, ни одного из важ-